

ЗЛЯТА ХИТРОВА ♦ АДЯ ОГНЕВА

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.
ТЕПЕРЬ Я ПРИНАДЛЕЖУ
шейху!

Ада Огнева

**Развод с предателем. Теперь
я принадлежу шейху!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Развод с предателем. Теперь я принадлежу шейху! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Десять лет я помогала мужу строить карьеру. Считала миллионные контракты, спасала сделки, зарабатывала ему репутацию. А потом Роман присвоил мой лучший проект, выставил меня истеричкой перед инвесторами и потребовал подписать развод с отказом от всего. Он думал, я исчезну из Дубая без денег и имени. Но шейх Рашид аль-Фазан неожиданно предложил мне контракт напрямую. Теперь я работаю на человека, перед которым мой бывший муж привык склонять голову. Роман готов уничтожить мою репутацию, подделать доказательства и пойти на преступление, лишь бы вернуть контроль. Только шейх тоже играет по собственным правилам. Смогу ли я вернуть своё имя и довериться мужчине, которому принадлежит половина Дубая?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Злата Хитрова

Развод с предателем. Теперь я принадлежу шейху!

Глава 1

В переговорной «Атлантика» я встала у окна, подальше от струи кондиционера. Залив был совсем рядом, а я третий раз проверяла, не липнет ли блузка к спине. В папке на столе лежали три месяца моей работы: баррели, риски, поправки, за которые я спорила с Романом до двух ночи. Сегодня он обещал представить меня клиенту. Я даже выпалась бы ради такого дня, если бы удалось.

Рашид вошел последним. Советник отодвинул ему кресло, второй раскрыл папку на нужной странице. Мне захотелось посмотреть, на какой именно: полистали бы приложения — половина вопросов отпала бы. Роман уже стоял возле шейха и улыбался. Я поправила рукав, пряча чернильный след на пальце. Сейчас он назовет мое имя.

— Ваше Высочество, — начал Роман, разглаживая манжеты рубашки. Движение было привычным, почти ритуальным. — Наш главный оценщик подготовил документ, который изменит ваши представления о рынке.

На короткий кивок Рашида я ответила своим и тут же пожалела: выглядело так, будто мы знакомы. Он задержался взглядом на мне. Может, Роман успел сказать, кто составлял отчет? Я убрала палец с чернильным пятном под край папки.

— Благодарю, мистер Вальский, — шейх говорил негромко; мне пришлось наклониться, чтобы расслышать. — Блестящий отчет. Но подпись нужна ваша. И только ваша.

Я придержала край стола: от неожиданности качнулась вперед. Подписывать должен был Роман? Тогда зачем я готовила ответы всю дорогу? — Простите? — я сделала шаг вперед, чувствуя, как ткань делового костюма впивается в плечи. — Это моя работа. Все расчеты, все выводы о ликвидности активов в секторе АЗ...

Роман обхватил меня за талию. Для остальных — муж поддержал жену. Большой палец давил под ребро так, что я перестала дышать. Он повернул ко мне голову, не убирая улыбки для клиента. — Тише, дорогая, — прошипел он одними губами, улыбаясь шейху. — Клиенту важно видеть лицо компании. Твое имя здесь ни при чем. Ты просто исполнитель.

«Исполнитель». Значит, вот так он меня представит. Я ждала хотя бы неловкости на его лице, но Роман уже смотрел на советника с ручкой. Ему хотелось закончить этот разговор, а не объяснить, что он сделал.

Рашид аль-Фазан перевел взгляд на стол, где лежали папки. Он не слушал нас. Для него мы были фоном. — Мисс Вальская, — вдруг обратился он ко мне. Его тон не изменился, но интонация стала вопросительной. — Вы утверждаете, что волатильность цен на нефть снизилась до уровня 2019 года. На каком основании? На основе прогнозов ОПЕК или внутренних данных вашего мужа?

Я открыла рот. Ответ был готов. У меня в голове была таблица, которую я собирала неделями, сравнивая данные с реальными отгрузками из порта Фуджейра. Я знала ответ лучше, чем знала свой номер телефона. — На основе анализа скрытых резервов в контрактах субподрядчиков, ваше Высочество. Данные ОПЕК занижают реальный объем добычи на 12%...

— Она имеет в виду общий тренд рынка, — перебил Роман, перехватывая инициативу с ловкостью профессионального вора. Он говорил быстро, используя корпоративный сленг, который звучал умно, но не значил ничего. — Мы ориентируемся на макроэкономические

показатели и долгосрочные стратегические цели холдинга. Цифры вторичны, главное — уверенность инвестора.

На слове «инвестора» Роман сжал меня сильнее. Я перестала говорить. Рашид отвел глаза к папке, и я не знала, понял ли он хоть что-нибудь из моего ответа. Скорее всего, услышал только женщину, которую пришлось поправить мужу.

Рашид подписал графу «Принято». Ручка прошла над таблицей, которую я переделывала шесть раз. Хотелось придержать его запястье: пожалуйста, взгляните хотя бы на примечание. Я стояла рядом с мужем и ждала, когда он позволит отойти.

Когда делегация вышла, в комнате остались только мы двое и гул кондиционера. Роман выдохнул, расслабляясь, и бросил ручку на стол. — Ты опять полезла со своими деталями, — сказал он. Голос был ровным, без крика. Это пугало сильнее крика. — Я просил тебя сидеть тихо. Ты пыталась перетянуть одеяло на себя перед клиентом? Знаешь, какой риск срыва сделки ты создала своим «внутренним анализом»?

— Без моих цифр этот контракт — пустой бланк, — прошептала я. Горло сжималось от комка обиды. — Я написала его сама. Каждую строчку.

Роман рассмеялся. Коротко, сухо. — Ты наёмный калькулятор, Каролина. Красивый, да. Полезный, тоже. Но кто платит за твою квартиру в центре? Кто купил тебе эту машину? Кто дал тебе возможность носить эти платья? Я. И пока я плачу, ты будешь помнить, чье имя стоит в шапке договора.

Он схватил свои документы и направился к выходу. — Едем домой. Нам нужно кое-что обсудить.

Дома я сняла туфли у дивана и не пошла переодеваться. Роман остался в рубашке, будто мы продолжали переговоры. Я смотрела на застежку его часов. В отеле он всё время поправлял её той рукой, которой удерживал меня.

Он принес бордовую папку с семейными документами. Я узнала потертый угол: сама выбирала её, чтобы поместились наши паспорта и страховки. Теперь в ней лежали соглашение о разводе и соглашение о неразглашении. Роман разложил их отдельно. Для каждого приготовил ручку.

— Подпиши, — сказал он, наливая себе виски. Лед звякнул о стекло. Звук был оглушительным в мертвой тишине гостиной.

Я взяла бумагу. Руки дрожали. Текст был составлен юридически безупречно и чудовищно цинично. «Я, Каролина Вальская, признаю, что покидаю проект по причине личной эмоциональной нестабильности и некомпетентности, подтвержденной фактами срыва переговоров. Я обязуюсь не распространять информацию о методологии оценки, использованной в сделке с холдингом аль-Фазан, чтобы избежать репутационного ущерба для бывшей стороны».

— Это ложь, — я подняла глаза на Романа. — Я не срывала переговоры. Это ты сорвал их своей самонадеянностью. И я не собираюсь подписывать отказ от авторства. Мне нужны мои права на интеллектуальную собственность и честный раздел имущества.

Роман не стал спорить. Он просто нажал кнопку на своем телефоне. Из динамика полился голос. Женский, истеричный, захлебывающийся от рыданий. «...не могу больше, я всё путаю, цифры не складываются, я боюсь, я теряю разум...»

Я узнала фразу: «цифры не складываются». После звонка из больницы я действительно не могла сосчитать даже дозировку лекарства для матери. Сидела в ванной и плакала, стараясь, чтобы Роман не услышал. Он, оказывается, не только услышал.

— Аида записала это на прошлой неделе, «для архива», — объяснил Роман спокойно, помешивая виски соломинкой. — Если ты не подпишешь этот листок, завтра утром этот аудио-файл попадет к регулятору и к партнеру аль-Фазана. Ты будешь выглядеть сумасшедшей.

Некомпетентной. Опасной. Никто в этом городе не возьмет на работу оценщика, который сры-
вает сделки истериками.

Он придвинул стул ближе, нависая надо мной. — Подпиши, Каролина. Или завтра ты
будешь выглядеть не просто разведенной, а никчемной. Выбор за тобой.

Он подвинул ко мне лист ещё на сантиметр и отпил виски. Я знала это лицо десять лет.
Сейчас искала на нем хотя бы сомнение: неужели он и правда отправит запись? Роман поставил
стакан и постучал ногтем по строке для подписи.

Ручка оставила кляксу возле строки. Я смотрела, как расплзаются чернила, и вдруг
отдернула руку. Нет. Подписи он не получит. Швырнула ручку на пол и ушла в спальню; дверь
хлопнула так, что за стеклом шкафа зазвенели флаконы.

Я лежала поперек кровати, не снимая костюма. До окна было два шага, до общего счета
— пароль, который Роман сменил. Адвокат попросит аванс. Друзья сначала позвонят ему. Под
утро я вспомнила помощника шейха и визитку в пиджаке. Он ведь видел меня у отчета. Хоть
кто-то должен помнить.

Глава 2

В четыре утра я включила телефон. Набрала номер. Долгие гудки. Потом автоответчик. Я попробовала снова. Снова гудки. Экран погас, но тут же загорелся снова: телефон завибрировал, показывая входящее сообщение от неизвестного номера.

«Ваш контакт занесен в черный список системы безопасности холдинга аль-Фазан как токсичный элемент. Дальнейшие попытки связи будут преследоваться по закону».

Сообщение я прочитала дважды. «Токсичный элемент» — любимые слова Романа о неудобных сотрудниках. Я набрала номер ещё раз, хотя уже знала, что мне не ответят. Затем сохранила сообщение. Пусть хоть это останется, если утром скажут, что мне показалось.

Утром болела спина: всю ночь я лежала в одной позе. Запила таблетку водой из-под крана, нашла туфли. В офисе была Лена. Когда отчет ещё считался нашим, она приносила мне кофе после закрытия. У неё можно спросить про юриста.

В «Гранд Тауэр» я привычно пошла к турникету и лишь возле него вспомнила про пропуск. У стойки вместо Аиды сидела новая девушка. Я показала карточку так, чтобы она не заметила дрожи в пальцах.

— Мне нужно попасть в кабинет Романа Вальского, забрать личные вещи, — сказала я.

Девушка побледнела. — Мисс Вальская... ваш пропуск аннулирован ночью. Вас нет в списке сотрудников.

— Это ошибка. Я работала над проектом аль-Фазан. Я должна объяснить...

— Прошу вас покинуть здание, — раздался твердый голос за спиной. Охранник. Два метра мышц и равнодушия. — Приказ руководства.

Я развернулась, чтобы уйти, но столкнулась с Аидой. Она шла навстречу мне, высоко задрав подбородок, в новом платье цвета шампанского. Платье, которое я примеряла на прошлой неделе и которое Роман назвал «слишком дорогим для твоего статуса».

Аида остановилась передо мной, не давая пройти к выходу. За её плечом коллега перевернул телефон экраном вниз. Он собирался слушать. Я опустила руки: нельзя ещё и показать, как они дрожат.

— Он сказал, ты истерила, — прошептала Аида, наклоняясь ко мне. Ее духи душили, сладкие и тяжелые, как похоронные венки. — Мы все видели видео. Ты выглядела жалко, Каролина. Просто жалко.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что она шлюха, что она крадет чужую жизнь. Но слова застряли в горле, превратившись в ком физической боли. Унижение было таким плотным, что хотелось упасть на колени и закрыть голову руками. У стойки стояли коллеги, с которыми мы вчера обсуждали сроки. Лена опустила глаза в телефон. Я смотрела на неё дольше остальных: хотя бы она знала, кто ночевал над отчетом. Лена так и не подняла головы.

На улице пришлось заслонить глаза ладонью. Я дошла до края навеса и остановилась. Внутри было холодно, снаружи сразу бросило в пот; возвращаться под навес, где меня могли увидеть из холла, не хотелось.

Я хотела забрать только самое нужное. В спальне сумка оказалась под чемоданом Романа; пришлось вытянуть её, не задев его вещей. Кидала футболки и джинсы, забывая, что уже взяла. Потом вернулась за бельем. Подписать бумаги, получить отступные и съехать — такой выход он оставил мне. Думать об этом было противно, но другой квартиры у меня пока не было.

На выходе из квартиры, в почтовом ящике, лежал конверт. Обычный, серый, без маркировки отправителя. Курьерская доставка документов.

Я разорвала его прямо в лифте. Внутри была копия того самого отчета для аль-Фазана. Тот самый, который я писала месяцами. Тот самый, который Роман представил как свой.

Я пролистала страницы. Текст был тот же. Таблицы на первый взгляд те же. Но на последней странице, под печатью компании «Вальский Консалтинг», была маленькая приписка от руки. Чернила другого цвета, более свежие, синие.

«Проверено лично. Р.В.»

Дата рядом с подписью стояла не та, когда я закончила работу. Дата была проставлена задним числом.

Я приблизила лист к лицу. В день, который он поставил рядом с подписью, приложений с такими номерами ещё не существовало. Я добавила их перед самой сдачей. Он мог не помнить, когда проверял отчет; мог спутать число. Но переписать поздние приложения в документ с ранней датой случайно не получится.

В лифте стало тесно от дорожной сумки. Я прижала копию к стенке и обвела обе даты. Если идти с этим к юристу, нужно будет объяснять не десять лет брака, а два числа. С двумя числами я справлюсь.

Роман ждал мою подпись. Я готовила ему совсем другой документ.

Вернувшись в квартиру, я оставила собранную сумку у двери и включила ноутбук.

Ноутбук долго просыпался. Я сидела возле двери с собранной сумкой и вспоминала личный адрес Рашида: три месяца назад проверяла письмо Романа, он сам поручил сверить вложения. Первую часть помнила точно, в домене сомневалась. Нашла старую рабочую переписку, сверила написание. Набирая тему, дважды ошиблась. Пришлось вытереть ладони о брюки.

Я начала печатать.

«Шейх аль-Фазан, я знаю правду о цифрах, которые вы купили. И я могу доказать, что они мои».

После приветствия я убрала фразу про мужа. Шейху это незачем знать первым. Написала, где лежит исходный расчет, чем отличается дата на копии и какое приложение он может открыть для проверки.

Прикрепила обе версии отчета, ещё раз сверила даты и нажала «Отправить». Только тогда позволила себе улыбнуться. Роман мог запретить мне войти в офис. Стереть это письмо из чужой почты он уже не мог.

У дверей «Al Maha» я достала папку, чтобы не рыться в сумке при Викторе. Поддельная дата была обведена ручкой. Рабочие заметки остались в офисе Романа, но Виктор видел ранние версии: месяц назад сам просил показать формулу. Сегодня мне нужно было услышать от него хотя бы «да, помню». С этим можно идти дальше.

Я сделала вдох, наполняя легкие ароматом сандала и свежего кофе, и шагнула в зал.

На ужине «Ориент-Энерджи» я бывала с Романом, поэтому знала, куда смотреть. Виктор сидел у дальнего торца, справа от него — управляющий фонда. Обойти стол пришлось между официантами с подносами. Все говорили о следующем квартале; я держала перед собой прошлый отчет и старалась не задеть чужие бокалы.

Виктор заметил меня раньше, чем я успела поздороваться. Повернулся к соседу и засмеялся, подняв бокал. Я остановилась возле его плеча. Подожду, пока закончит. Потом поняла, что он начал новый разговор нарочно, даже не сделав паузы.

Я могла бы уйти, будто просто проходила мимо. Он бы остался приличным человеком, а я — той, кто не поздоровался. Но папка уже была в руке. Я подалась вперед и назвала его по имени.

— Виктор, — начала я, но мой голос прозвучал глухо, поглощенный гулом зала.

И тут он появился. Роман Вальский. Муж, с которым я больше не собиралась жить. Соглашение о разводе оставалось неподписанным, но ждать от него защиты было уже нечего.

Роман ждал у колонны. Стоило Виктору отвернуться, и муж двинулся ко мне с улыбкой: сейчас всё уладит. Когда-то я в такую минуту радовалась его появлению. Теперь убрала папку за спину.

Он подошел так, чтобы заслонить меня от Виктора. За соседним столом перестали звенеть приборы. Роман говорил на весь проход, а ко мне наклонялся ласково. Со стороны, наверное, хороший муж, который не хочет позорить больную жену.

— Каролина, ты ошиблась адресом, — произнес он мягко, кладя руку мне на плечо. Жест выглядел как забота, но пальцы впивались в ткань моего платья, удерживая на месте. — Здесь обсуждают будущее отрасли. А не... прошлые ошибки. Тебе стоит уйти. Пока это просто неловкость, а не позор.

Пальцы Романа всё ещё держали мое плечо. Я сунула свободную руку в карман жакета и стиснула кулак. Если сбросить его руку, он покачает головой: вот, начинается. Если попросить о помощи Виктора, тот сделает вид, что не слышит. Я стояла возле стола с собственной работой и не могла положить её перед тем, кто хотел купить.

За Романом появилась Аида. Сначала я увидела часы — мои, с маленькой царапиной возле застежки. Потом узнала платье цвета хаки. Купила его на первую премию и берегла. Она держала бокал правой рукой, специально оставляя запястье на виду.

— Роман, дорогой, — протянула она, и её голос звенел колокольчиком, но слова были острыми, как осколки стекла. — Твоя бывшая жена всё ещё думает, что её экспертиза чего-то стоит? Милочка, твой отчет был настолько сырым, что мы перепроверяли каждую цифру вручную. Ты просто не справилась с масштабом сделки. Не нужно создавать иллюзии.

Я посмотрела на Виктора: ты же видел расчет, скажи хоть что-нибудь. Он кивал Аиде. На «мы перепроверяли» у меня сорвалось короткое «что?», больше выдать не удалось. Аида не останавливалась. Ей хватало моего молчания, чтобы присвоить ещё и исправление ошибок, которых не было.

Она поднесла бокал к губам, дожидаясь моего ответа. Я поняла, что сейчас заплачу, и отвернулась.

Я развернулась, чувствуя, как взгляд Виктора скользит по мне, равнодушно, как по товару с браком. Нужно было уйти. Вместо выхода я выбрала коридор бизнес-центра, примыкающего к ресторану. Там был офис Романа. Там была моя папка.

Глава 3

В зеркале лифта я стерла подтекшую тушь подушечкой пальца. Стало хуже. На этаже офиса за стеклом сидела секретарь, ещё совсем девочка. Роман поручил ей не пускать меня, и теперь нужно было просить у неё собственную папку.

— Мне нужна папка с моими личными заметками, — сказала я старательно ровным голосом. — Та, что осталась здесь неделю назад.

Она посмотрела на монитор, хотя никакого поиска не делала: ни мышь, ни клавиатура не двигались. Затем перевела взгляд на сумку. Я подтянула ремень повыше, будто это могло изменить её ответ.

— У вас нет доступа, — произнесла она холодно. — Роман сказал, что ваши вещи упакованы и отправлены курьером. Но доставка была отменена. Видимо, ошибка адреса. Или вы забыли оплатить услуги хранения?

Я спросила, где курьерский номер, но она повторила про отсутствие доступа. Через стекло виднелся знакомый шкаф. До заметок — десять шагов, а сделать нельзя ни одного. Охранник возле лифта уже смотрел на нас. Роман получил бы ещё одно «видео истерики», начни я громче требовать свое.

Я записала имя секретаря и время отказа в телефоне. С пустыми руками уходить уже привыкла. Без записи об этом отказе уходить не хотела.

Снаружи я сначала обрадовалась пасмурному небу. Потом ветер бросил в лицо пыль, и пришлось застегнуть жакет до верха. Сумку перехватила другой рукой: ремень натер ладонь. Доехать бы до отеля, умыться и открыть ноутбук без чьих-нибудь комментариев.

На выходе из паркинга меня остановил Марк, журналист делового издания «Gulf Business». Мы пересекались на конференциях года три. Он всегда был корректен.

— Кара, — он поймал мой взгляд, понизив голос, хотя вокруг никого не было. В его глазах мелькнуло сочувствие, но за ним прятался расчет. — Правда, что ты сорвала сделку с "Сауд-Арамко" из-за личной неприязни к партнеру? Мне нужно подтверждение для статьи. Финальный абзац.

Марк уже выбрал формулировку. Мне предлагалось только подтвердить, чтобы в статье появилось «как сообщила сама Вальская». Я посмотрела на красный огонек диктофона. Лучше пусть запишет отказ, чем мои попытки объяснить всё на тротуаре.

Он скользнул взглядом к туфлям. Я одернула жакет и подняла папку повыше: вот на это смотри, если ты деловой журналист. Туфли моей работы не делали.

— Я не срывала, — произнесла я тихо, но каждое слово было вырезано камнем. — Меня убрали.

Я подошла к стоявшему у паркинга такси и потянула ручку. Водитель показал на пассажира с другой стороны. Пришлось отойти. Марк всё ещё держал диктофон, и я отвернулась от него.

Мир закрывался передо мной. Телефон разряжался. Общая банковская карта была заблокирована. Два водителя отказались ехать, когда я сказала, что оплачу переводом позже. На личной карте осталось слишком мало. Я проверила наличные: их тоже не хватало до отеля.

Я отступила от дороги. Телефон показывал последние проценты заряда, и я боялась остаться ещё и без связи. Мать сама позвонит вечером, увидит, что я недоступна, опять разволнуется. Нужно найти розетку и деньги на машину. Пока я могла только стоять с сумкой, наблюдая, как мимо проезжают свободные такси.

Голова кружилась. Ноги подкосились. Я присела на бордюр, закрывая глаза.

Внедорожник остановился так близко, что я поднялась с бордюра: сейчас попросят отойти. Стекла были темными, номера я не разглядела. Но пассажирское окно опустилось. Пришлось наклониться, чтобы увидеть человека в салоне.

Мужчина внутри чуть повернулся, освобождая мне место возле двери.

На мужчине была белая кандура, нижнюю часть лица закрывал шарф. Я посмотрела на руки: ничего не держит. На соседнем сиденье лежала папка. Он успел увидеть мою фамилию ещё до того, как я наклонилась к окну.

Меня не спросили, нужна ли помощь. Говорили так, будто я пришла на назначенную встречу и только задержалась.

— Вы стоите там, где упали другие, — его голос был бархатным, глубоким, с легким акцентом, который придавал словам вес золота. Он говорил на арабском, затем перевел на английский, обращаясь непосредственно ко мне. — Садитесь. Я хочу слышать источник, а не пересказ.

Запах уда и кофе с кардамоном ударил в нос, резкий и пряный. Я узнала этот запах по переговорной в «Атлантике» и внимательно посмотрела на незнакомца.

Внедорожник стоял, водитель ждал. Я могла потребовать имя, удостоверение, обещание, что меня отвезут обратно. Вспомнила, как секретарь смотрела на папку через стекло. Здесь хотя бы предложили её открыть.

— Минуту, — попросила я и написала матери, что задержусь. Потом потянула дверную ручку.

Сиденье холодило бедра через платье. Я пристегнулась, поставила сумку между туфлями и ощутила, как противно дрожат колени. Когда двери заблокировались, посмотрела на кнопку замка. Мужчина заметил мой взгляд и не стал мешать проверить ручку.

Он подал платок. Я взяла его и только тогда поняла, что щеки мокрые. Хотелось спросить, зачем ему этот разговор с заплаканной женщиной на обочине. Но первым вопрос задал он.

— Как зовут человека, который написал этот отчет, если не Каролина Вальская? — спросил он, повернувшись ко мне с соседнего сиденья.

На тридцать втором этаже я задержалась у лифта, чтобы ещё раз открыть отчет на планшете. Мужчина из машины обещал передать, что я приеду. У входа в офис Рашида я проверила фамилию на табличке: не посредник, не совместная переговорная. Здесь Роман не сможет сказать, кто мне разрешил говорить.

Сумка дернула плечо, когда я резко повернула к стойке. В ней был планшет с рабочей версией. Заряд проверен, файл открывается без сети. Я подготовилась даже к тому, что меня попросят показать его в холле, стоя, как сейчас.

Секретарь не посмотрел на меня. Печатал обеими руками, поэтому я ждала, пока закончит строку. Он успел начать следующую, и я придвинулась к стойке. Так он хотя бы не сможет притвориться, что рядом никто не стоит.

— Вход только по предварительной записи, — бросил он механически, продолжая печатать что-то. — Если вы курьер или представитель страховой компании, оставьте документы в корзине.

Я замерла. В горле встал ком стыда и ярости. Уж вчера-то я достаточно наслушалась этого тона. Мне хотелось развернуться прежде, чем позовут охрану. Но человек в машине обещал встречу с Рашидом, и я приехала за ответом.

Я достала визитку Романа. Представляться его женой больше не хотелось, но название компании объясняло, о какой сделке речь. На карточке был номер, по которому меня вчера отказывались соединить. Я положила её перед секретарем и придержала пальцем: пусть попробует отправить в корзину.

Секретарь остановил пальцы над клавишами. Карточка мешала продолжать печатать.

— Скажите шейху, что источник готов дать показания, — произнесла я тихо, но так четко, что каждое слово упало, как камень в воду. Парень наконец поднял глаза, удивленно моргнув. — Если он хочет правды, а не пересказов моего мужа о том, какая я истеричка, он меня примет. У вас есть три минуты до того, как я уйду и правда станет недоступной навсегда.

Секретарь потянулся к визитке, прочитал фамилию и набрал внутренний номер. «Она говорит, что у неё есть доказательства против вашего консультанта». Хорошо, что не «семейный вопрос». Я убрала руку с карточки и приготовилась ждать следующего отказа.

Гудок. Пауза. Щелчок.

— Проходите, мадам. Шейх ожидает.

Глава 4

За окнами кабинета светилась Дубай-Марина. Мне на секунду захотелось подойти и посмотреть вниз: высоты я раньше не боялась. Но Рашид стоял возле стекла, и пришлось смотреть на него. В машине он был закрыт шарфом, здесь я видела широкие плечи и застегнутые рукава. Он не обернулся на звук двери.

Я выбрала край кресла, чтобы легко встать. Сумку положила на колени. Он продолжал смотреть в окно, и я удержалась от вопроса, ждать ли кого-нибудь ещё.

— Мой юрист утверждает, — начал он голосом бархатым и холодным, будто обтянутым шелком, — что ваш предыдущий отчет содержал фатальные ошибки из-за личной заинтересованности. Вы были замужем за посредником. Вы зависели от него финансово. Почему я должен верить вам сейчас, мадам Вальская? Почему я не должен думать, что это месть, а не профессионализм?

Я выровняла ремень на клапане сумки. Он ждал ответа, а я боялась заговорить о Романе и опять сорваться. Поэтому начала с таблицы, которую помнила наизусть: здесь можно было проверить каждое слово.

Я выпрямила спину. Подбородок вверх. Взгляд прямо в тень его лица, туда, где должны были быть глаза.

— Потому что Роман не читал мой черновик, — ответила я, игнорируя субординацию и правила этикета, которые он мог бы предъявить. — Он переписал цифры, чтобы скрыть откат для своего партнера. Я могу назвать имя этого партнера и сумму комиссии. Это не ошибка, шейх. Это преступление. Хотите проверить?

Пока он молчал, я считала в уме комиссию. Сумма сходилась в обеих версиях; достаточно показать, где она прибавлена второй раз. Если сейчас начну про развод, он отправит меня к другому специалисту — семейному адвокату.

В этот момент дверь кабинета скрипнула.

Аида принесла кофе. Пропуск Романа всё ещё действовал для его людей, но я не ожидала увидеть её в этом кабинете. Она остановилась у стола: обе чашки звякнули о поднос. Потом улыбнулась Рашиду, уже удержав руки.

Она поставила кофе возле его папки и обошла кресло с моей стороны. Я убрала локоть, чтобы не задеть поднос. Аида воспользовалась этим и наклонилась вплотную, будто собиралась спросить, нужен ли сахар.

— Уходи, пока тебя не вывели охранники за приставание к клиенту, — прошипела она мне на ухо, сохраняя улыбку для Рашида. — Ты здесь лишняя, Каролина. Твой муж уже выбросил тебя.

Аида говорила вполголоса, чтобы Рашид увидел мою реакцию, но не услышал угрозы. Я уже знала этот прием. Отвечать ей шепотом не собиралась.

Я не отступила. Я медленно повернула голову к Рашиду, оставляя Аиду позади, как пустое место.

— Шейх, — произнесла я вслух, так, чтобы мой голос долетел до каждого уголка комнаты, — если ваша ассистентка мешает мне говорить с вами, возможно, стоит пересмотреть критерии лояльности персонала. Или она боится, что я скажу лишнее?

Аида выпрямилась. Трубка телефона лежала возле её ладони, чашки уже не занимали руки. Я ждала, кого Рашид попросит выйти. Она, похоже, тоже.

Рашид сделал паузу. Тишина стала давящей. Он не двигался. Он посмотрел на мою сумку, потом на Аиду. Я разжала ремень: ладонь вспотела так, что кожа липла к пальцам. Сумка мешала, но ставить её на пол и наклоняться под их взглядами не хотелось.

Я выдержала. Медленно, демонстративно, я достала из сумки планшет. Экран засветился, рассеивая полумрак кабинета. Я открыла файл с оригинальной версией отчета, датированной за неделю до того, как Роман присвоил его авторство.

— Здесь нет ошибок, — сказала я, поворачивая экран так, чтобы он видел данные. — Здесь есть правда. И она пахнет деньгами, которые украли у вас.

Он отошел от окна. Я впервые разглядела лицо без шарфа и перестала подбирать слова. Даже испугалась этого короткого провала: пришла показать таблицу, а смотрю на рот. Пришлось опустить глаза к экрану.

Он снял кожаные перчатки, положил их на стол и взял планшет из моих рук. Длинные пальцы скользнули по экрану. Каждое движение было медленным, размеренным. Он листал графики, таблицы, примечания. Я видела, как его бровь чуть приподнялась, когда он остановился на одной строке.

— Это несоответствие, — констатировал он. Его голос был ровным, но в нем звучал металл. Он поднял на меня взгляд. — Графа логистики. Цифры не сходятся. Вы хотите сказать, что это правда?

Аида усмехнулась над его плечом. Я подалась к планшету в его руках: нельзя отвечать по памяти на вопрос о строке, которую он только что открыл.

Это был тот самый дубль. Я узнала номер перевозки раньше, чем дочитала сумму.

— Это не ошибка, — ответила я мгновенно, не давая сомнению закрепиться в воздухе. — Это дублирование контракта на перевозку нефти через порт Дубая, которое Роман оформил дважды, чтобы получить двойную комиссию. В рабочей версии я оставила обе строки с пометкой «проверить дубль». В итоговом отчете учтена одна перевозка. Сравните суммы: Роман убрал пометку, но включил оба платежа. Сейчас я могу показать вам и расчет, и правку.

Рашид замер. Его палец завис над экраном. Он посмотрел на меня иначе. Теперь в его взгляде не было недоверия. Он вернулся к первой таблице и проверил обе суммы ещё раз. Теперь я могла говорить — он слушал.

Рашид положил планшет на стол и подошел. Чтобы встать, мне пришлось сдвинуть сумку к краю кресла. Он остановился ближе, чем я ждала. Я различала запах одеколона, слышала его вдох и изо всех сил держала в голове сумму: ради неё я здесь, а не ради этого неожиданного жара в лице.

— Вы играете в опасные игры, мадам Вальская, — понизил он голос, так, что он стал почти интимным, хотя в комнате была третья женщина. — Вы используете мои данные против моего посредника. Что вы хотите взамен? Деньги? Месть? Разрушение жизни человека, который когда-то делил с вами подушку?

Я поднялась, оставив сумку в кресле. Рашид не отступил. Прежде чем ответить, посмотрела ему в глаза: если осадит, хотя бы не стану потом вспоминать, как говорила с его галстуком.

— Я хочу справедливости для своей работы, — сказала я, глядя ему прямо в зрачки. — И я хочу, чтобы вы знали, кто действительно пишет историю ваших сделок. Не тот, кто спит со своим пресс-секретарем, а та, кто считает ваши деньги. Честно. Без фильтров. Без откатов.

Аида издала звук, похожий на сдавленный кашель. Она потянулась к телефону на столе Рашида.

— Это неприемлемо! — воскликнула она, теряя маску учтивости. — Она истеричка! Она угрожает безопасности компании своим присутствием! Я вызываю охрану!

Аида сняла трубку, и я услышала гудок. Сейчас она назовет мою фамилию охране. Я посмотрела на планшет на столе — забрать хотя бы его, если заставят уйти.

Рашид поднял ладонь, не поворачиваясь всем корпусом. Аида остановилась. Я услышала, как трубка легла обратно, и только тогда перестала высчитывать, сколько шагов до двери.

— Охрана не нужна, — сказал Рашид, не повышая голоса. Он снова смотрел на меня. В его глазах плясали искры, которые я не могла расшифровать. То ли одобрение, то ли предупреждение. — Нужен новый контракт.

Он достал бланк из папки и подвинул к краю стола. Ручку положил поперек пустой строки. Я взяла её, но не подписывала: сначала нужно прочитать, что мне предлагают.

— Без посредников, — произнес он. — Только ты и я. Ты работаешь на меня напрямую. Твой голос — единственный источник истины в этом здании. Если ты ошибешься, виновата будешь только ты. Никаких мужей, которые прикроют твою спину. Никаких любовниц, которые будут шептать тебе на ухо ложь.

Я смотрела на бумагу. На пустую строку для подписи. Моя рука больше не дрожала. В строке «Консультант» стояло мое имя; я перечитала обязанности и размер оплаты. За каждый вывод теперь придется отвечать лично. Зато рядом не было графы, куда Роман мог бы вписать себя.

На последней странице я нашла пункт об авторстве. Перечитала дважды. Роман не имел отношения ни к оплате, ни к подписи под моими расчетами. Можно было подписывать.

Сняла колпачок с ручки и поднесла её к строке. Чернила в начале подписи легли гуще; я замедлила движение, чтобы не размазать фамилию.

Каролина Вальская.

Глава 5

Уже в лифте я проверила, на месте ли приложения: Хассан любил цепляться к ссылкам. Папка плохо закрывалась, и я придерживала её обеими руками. Когда двери открылись, перед ними стояла Аида. Сумку на её плече я узнала раньше улыбки; остановилась так, чтобы не дать заглянуть в отчет.

— Каролина, подожди, — её голос был сладким, как просроченный мед. — Роман забыл передать эти документы шейху лично. Он просил меня забрать их «для проверки». Отдай. Это протокол.

Она протянула руку за папкой, даже не спросив, что внутри. С Романом такое работало: попросит уступить, а потом объяснит, почему уступать пришлось мне. Но эти бумаги я подписывала сама.

Я прижала папку к груди и отступила в кабину, подальше от руки Аиды. Пальцы Аиды замерли в воздухе, не решаясь коснуться ткани моего пиджака.

— Пункт 4.2 договора о конфиденциальности, — произнесла я ровно, глядя ей прямо в зрачки. — Любая попытка несанкционированного доступа к материалам сделки квалифицируется как нарушение NDA с немедленным уведомлением службы безопасности холдинга. Охрана уже фиксирует инцидент через камеры в зоне ресепшн. Хотите продолжить диалог здесь или предпочитаете сделать это в присутствии юристов?

Она посмотрела на камеру над дверью и убрала руку. Я нажала кнопку закрытия. Пока створки сходились, смотрела в её лицо. Лишь когда лифт тронулся, оперлась спиной о стену. Папку не отдала — до сих пор хотелось проверить, не выхватила ли она что-нибудь.

В переговорной я насчитала пять кресел за столом и свободное возле трибуны. Хассан продолжал говорить с соседом. Поставила ноутбук, достала переходник, проверила, куда подключать. Он не поднял головы даже тогда, когда я попросила отодвинуть его чашку от кабеля.

— Где ваш главный оценщик? — бросил Хассан Рашиду, игнорируя мое присутствие полностью. — Мы привыкли работать с Вальским. Зачем нам женщина без имени и опыта в этом регионе?

Я посмотрела на Рашида. Он поставил чашку и ждал. Значит, самому Хассану придется услышать ответ от женщины, которую только что предложил заменить. Я включила первый слайд.

Представляться было поздно — мою фамилию он уже прочитал и счел ненужной. Я открыла график цен за три года и отметила даты советов Хассана. Красные пики совпадали с ними. Эту страницу он у Романа покупал особенно дорого.

— Вальский продавал вам эту информацию по двойной цене, господин Хассан, — мой голос звучал тихо, но каждый слог бил точно в цель. — Вы знали, что данные будут опубликованы открыто через месяц. Вы купили время. Сегодня я даю вам этот же анализ бесплатно, но с честными цифрами. Вы можете проверить расчет или выйти. Но знайте: если вы уйдете, вы потеряете не только сделку. Вы потеряете лицо перед инвесторами, которые смотрят на то, как реагируют старые волки на нового хищника.

Хассан медленно поднял голову. Его серые глаза сузились. Он посмотрел на график, потом на меня. Медленно перевернул телефон экраном вверх. — Продолжайте, мадам Вальская.

Первые два слайда я проговорила слишком быстро. Потом заметила, что Хассан записывает, и сбавила темп. Когда спросили про обязательства холдинга, перестала держаться заготовленного текста: этот расчет знала лучше всего. Кто-то подвинул ко мне воду. Я сделала глоток, не отрываясь от вопроса.

На слайде с долгосрочными обязательствами погас проектор. Следом выключился свет. Я нажала кнопку пульта — напрасно. За шторами всё ещё был день, можно различить стол, а цифры теперь никто не видел. Слева усмехнулись. Очень вовремя сломалось, подумала я. Проверять причину будем после доклада.

Я посмотрела на черный экран ноутбука. Последнюю сумму помнила. И формулу тоже. Нужно было продолжать, пока кто-нибудь не предложил отложить встречу.

Отодвинувшись от кабеля, я повернулась к столу. Если смотрю в темноту, это ещё не значит, что мне не ответят. — Свет важен для чтения цифр, — сказала я в пустоту, и мой голос, усиленный акустикой комнаты, стал объемным, театральным. — Но суть сделки не меняется от того, видите ли вы шрифт. Вы слышите меня? Тогда слушайте.

Я называла значения по строкам, выдерживая паузы для записей. — У кого вопрос по третьему столбцу? — спросила, когда Хассан отложил ручку. Он откликнулся; пришлось повторить коэффициент. В этот момент Рашид включил фонарик на планшете и подвинул свет к листу. Я придержала лист, чтобы он не дрожал. Сумму теперь видели оба.

После доклада Хассан первым попросил файл. Я записала адрес рядом с его вопросом, чтобы отправить и ответ тоже. Когда за столом захлопали, у меня затряслись пальцы. Понадобилось несколько секунд, чтобы отсоединить кабель.

Когда я выходила из переговорной, ко мне подошел молодой араб, Фейсал. Он выглядел нервно, потирал руки. — Мадам Вальская, я знаю правду о вашем разводе. Роман играет грязно. Я могу помочь... решить вопрос с вашим прошлым. Через свои связи. Мне нужны эксклюзивные данные по будущим сделкам холдинга. Прямо сейчас. Здесь.

Мне предлагали решить семейную беду за рабочие данные. Фейсал уже держал телефон; можно было продиктовать ему три цифры и через час услышать, что Вальская опять продает чужие секреты. Я отошла от него к двери, под камеру.

Я посмотрела на него, затем перевела взгляд на камеру наблюдения, установленную над дверью кабинета Рашида. Красный огонек индикатора мерцал ровно. Камера работала всё это время. — Господин Фейсал, — произнесла я громко, чтобы запись была четкой. — Ваша «помощь» выглядит как попытка купить инсайдерскую информацию. Если вы действительно хотите работать с холдингом, идите через официальный канал. А сейчас извините, у меня нет времени на игры с посредниками, которые не умеют читать договоры.

Он поправил пиджак и ушел, не попрощавшись. Я ещё подождала возле камеры. Сейчас начни он оправдываться, запись сохранила бы и это. Не начал.

В кабинете Рашида отчет лежал раскрытым. Он держал мой лист с вопросами Хассана. Я остановилась возле кресла, не зная, садиться ли: вызвал сразу после встречи, значит, нашел ошибку. Но заговорил о другом.

Рашид повернулся к столу. Я проследила за листом в его руке — он всё ещё не положил его. — Вы рисковали карьерой ради принципа или ради мести? — спросил он тихо. Вопрос звучал как обвинение. Как скальпель.

Наверное, приличный консультант должен был ответить про профессиональную этику. Я только что публично ткнула бывшего партнера мужа в двойную оплату. Прятать удовольствие от этого не получится. — И то, и другое, — ответила я честно. — Но есть третий мотив. Ради того, чтобы вы могли спать спокойно, зная, что цифры правдивы. Чтобы ваше решение основывалось на источнике, а не на пересказах.

Он посмотрел на пометки Хассана и положил лист на отчет. Уголки рта дрогнули: кажется, мой ответ его устроил. — Вы вернули мне право быть судьей, а не объектом вашего гнева. Это редкое качество.

Телефон в кармане вибрировал. Экран вспыхнул сообщением от Романа: «Я знаю, что ты там делаешь. Ты играешь с огнём. Аль-Фазан — не тот, кого можно обмануть. Вернись, пока не поздно. Я могу всё исправить».

Я прочитала сообщение и тут же убрала его с экрана. Роман опять написал «могу всё исправить», как после той ночи, когда велел подписать отказ от авторства. Рашид заметил движение. По его вопросу я поняла, что скрыть дрожь не удалось. — Он снова угрожает? — спросил он. Голос был мягким, но в нем звенела сталь.

Я спрятала телефон. После удачного доклада опять говорить о Романи было стыдно. Будто я сама впускаю его в этот кабинет. — Нет, — солгала я, пряча руки за спину. — Просто спам. Реклама.

Рашид ничего не ответил. Он лишь кивнул и отправил меня обратно в офис.

Вечером Рашид предложил выехать к дюнам. Я взяла пиджак, хотя в машине было жарко. У края песка пришлось выйти осторожно: туфли скользили. Он пошел рядом, не беря за локоть, и я зачем-то ждала, когда возьмет.

Остановились так близко, что между рукавами оставалась ладонь. Я посмотрела на его руку. Он заметил — и заговорил совсем не о том, чего я ждала.

— Моя сестра Айла заметила, как ты убрала телефон в кабинете, — произнес он вдруг, глядя на горизонт.

Айла. Значит, сестра, которая занимается безопасностью, была достаточно близко, чтобы заметить телефон. Я вспомнила отражение двери в окне кабинета и не стала доказывать, что сообщение было рекламой. — Что это был не спам, — добавил он, не оборачиваясь.

Можно было снова сказать «спам». Но тогда он не узнает, почему я вздрагиваю от каждого звонка. Я сжала телефон и подняла голову.

— Да, это был Роман, — призналась я, чувствуя, как стыд смешивается с облегчением. — Я боюсь его. Я боюсь, что он разрушит то, что я строю. Но я не вернусь. Ни за какие деньги. Ни под каким давлением.

Рашид обернулся. Я впервые увидела его улыбку без переговорного стола между нами. Захотелось спросить, что в моем признании смешного, но он заговорил раньше. — Бояться его можно. Прятать угрозы от безопасности не нужно. В следующий раз сразу покажи Айле.

Он достал из кармана ключ. Тяжелый, латунный. Протянул его мне. — Теперь ты часть этого дома. И дом не прощает тех, кто хочет его разрушить.

Я взяла ключ. Металл был теплым от его руки. В этот момент телефон в моем кармане завибрировал снова. На этот раз это было видео от неизвестного номера.

Я раскрыла видео и приблизила изображение. Роман целовал Айду возле стола. Можно было смотреть только на это и злиться. Я смотрела на бумагу за их спинами: знакомая шапка отчета, моя подпись, дата — завтра. Остановила кадр. Здесь нужна была копия, а не слезы.

— Видишь дату? — спросила я, повернув экран к Рашиду. Он придвинулся, чтобы прочесть. Я держала телефон двумя руками.

Глава 6

Я выбрала место возле колонны: можно поставить сумку на основание и видеть почти весь зал. Никто не прогонял, но приглашать в разговор тоже не спешили. Знакомая управляющая заметила меня и перевела глаза к соседке. Прежде мы обсуждали квартальные отчеты. Сегодня она, видимо, не знала, как меня представить.

Эти люди были в списке рассылки Романа. На их замечания отвечала я, под его именем. Сейчас я могла подойти к любому и назвать номер таблицы, но боялась услышать что-нибудь про развод вместо вопроса по работе.

Группа инвесторов из Сингапура стояла кругом, потягивая шампанское. Их разговор звучал как звон монет. — Портфель рискованный, — сказал один из них, мужчина с глазами цвета стали. — Но Роман обещает гарантировать доходность до конца квартала. Он знает, где зарыты активы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.